

фацеции «О непостоянной жене» не одобряет: «Кто будет знать не обстоянной жене читать, тот будет самая каналья» (л. 94). В унисон этой записи звучит приписка «проклятые жоны», сделанная перед новеллой «О женах, обольстивших мужей и како муж пред женою каялся» (БАН, 45.5.37, л. 167 об.).

Одним из свидетельств приспособления фацеций к русским читательским вкусам является замена переведенных с польского оригинала «виришков» новыми. Эти стихотворные концовки присоединялись к тексту новелл по-разному. Иногда в них звучал голос автора, как, например, в рассказе «Девка веном юношу обольстила»: «Того ради даю совет жениться хотящим, да памятуя на се виришк: Не ищи много злата, да не будет сердцу твоему великого плача».⁹ В других случаях виришки не имели даже обычных для подобных сентенций формул «говорят...», «сказано...» и присоединялись к тексту механически.

Интересно вводится виришк в фацеции «Како прииде шпынь исповедатися пред попа». Оставив попу в обмен на одежду «гомолю золота величеством яко яйце», ловкий плут исчез. При проверке вместо золота «явися олово с свинцем смешано и позлащено. Поп, видя сие, зело оскорбися и написа на стене: Всяк, иже лакомство имет, Ногу свою на оно не размысли удобь подвинет».¹⁰

Переписчики фацеций обращались с виришками по своему вкусу. Их опускали, сокращали, делали складнее. Так, в фацеции «О неведущем языка воложка» (ГПБ, Q.XV.97) виришк «Правда, полчеловека в чужой земли без языка» заменен на другой: «А правда истинно велика — Полчеловека в чюжей земли без языка».

Иногда переписчик придумывал вместо старого новый виришк, который, как ему казалось, больше отвечал содержанию рассказа. В фацеции «О индерлянском плуте, краву украдшем» (ГПБ, Q.XV.27), герой которой своими руками отдает вору корову, вместо заключительной морали «Всякому прежде познати достоит, К чему кто речь свою приводит» читаем: «Како злодеев блистися подобает, Занеже всегда тебя зло умудряют».

В некоторых случаях по воле переписчика-редактора фацеции приобретали не то значение, которое имели в оригинале. В сборнике ИРЛИ, собр. Перетца, № 213 заключительные двуступицы присоединены к анекдотам, не нуждающимся в комментариях. Автор истолковывает их смысл в духе назидательной литературы. Фацецию «О красоте старых», высмеивающую красящихся старух, он заключает сентенцией: «Старость есть человеку предверие смерти, человек не может от той убежати сети». Анекдот «На украшение юнош», в котором говорится о кокетливых мужчинах, заканчивается словами: «В юности человек весьма процветает, Старость же достигши, скоро увядает» (л. 157 об.—158).

⁹ Цит. по кн.: *Державина О. А. Фацеции*, с. 143.

¹⁰ Там же, с. 123.